

ЗАГАДКА

ГОДА

НИКОЛАЙ ВЕЛИКАНОВ

**ИЗМЕНА
МАРШАЛОВ**

Николай Великанов

Измена маршалов

«Алисторус»

2008

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

Великанов Н. Т.

Измена маршалов / Н. Т. Великанов — «Алисторус», 2008

Сейчас мало кто сомневается в оздоровительной силе для страны процессов 37-го года, накануне войны с Германией. Тогда произошло очищение Красной Армии, ее командного состава от бездарной троцкистской верхушки. Об этом, кстати, в конце Второй мировой говорили и главари Третьего рейха. Никто не отрицает, что репрессии были жестокими, даже очень жестокими. Но ведь предательство и измена только так и карались всегда и везде. В этом смысле пример маршала Блюхера показателен. Он умер во внутренней тюрьме НКВД, избежав громкого суда, как это было с Тухачевским, Уборевичем, Якиром и др. В книге писателя-историка Николая Великанова правдиво показаны сложный путь В.К. Блюхера к вершине военной славы и ее драматический конец. Автором использованы документы из архивов ЦК КПСС, КГБ и ФСБ, министерства обороны СССР и РФ, Фонда Государственного военно-исторического архива.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

© Великанов Н. Т., 2008
© Алисторус, 2008

Содержание

От автора	5
Правда и мифы	6
Родом из деревни Барщинка	6
рядовой царской армии	12
Начало командирской карьеры	18
Комиссар Блюхер против атамана Дутова	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай великанов

Измена маршалов

От автора

Какие только слухи не ходили в 20-х годах прошлого века о герое Гражданской войны, первом кавалере орденов Красного Знамени и Красной Звезды В.К. Блюхере.

Писатель-эмигрант Роман Гуль еще при жизни назвал Блюхера «генералом Немо». «Ни в СССР, ни за границей, – утверждал он, – никому не известно: кто он на самом деле...»

Французский публицист А. Роллен в статье «Маршал с железной маской Василий Константинович Блюхер»¹, опубликованной 10 августа 1938 года в журнале «Тан», задавался вопросом: «Откуда появился этот маршал?.. Ему приписывали самые странные происхождения. Этим объясняются прозвища, которые часто давались ему: «загадочный капитан», «таинственный маршал», «человек с железной маской»... По мнению некоторых, он человек с плохим прошлым, преступник, освобожденный революцией, возможно даже, человек, руки которого обагрены кровью, и такой кровью, пролитие которой не может быть оправдано никакой теорией...

Всегда казалось, что Блюхер может справиться с любым неожиданным положением. Это человек, созданный для исключительных положений. Он обладает даром импровизаций. В трудные моменты он всегда умел находить решение, а Богу одному известно, сколько авантюр было в его жизни. Их было столько, что даже самое богатое воображение не могло бы выдумать их».

Парадоксально, но факт: мифы так крепко приросли к этому человеку, что стали непременным атрибутом его биографии и десятилетиями тиражируются в различных публикациях.

И лишь в последнее время «белые пятна» в жизни знаменитого полководца начинают исчезать.

Книга «Маршал в железной маске» – плод скрупулезного исследования архивных документов, глубокого изучения исторических материалов о жизни и деятельности легендарного военачальника, одного из пяти первых Маршалов Советского Союза Василия Константиновича Блюхера.

¹ См.: Приложение.

Правда и мифы

Родом из деревни Барщинка

Диковинная для ярославской глубинки фамилия Блюхер пошла от клички-прозвища одного из жителей деревни Барщинка – Феклиста. В деревне он ничем особенным не выделялся. Работал на барина, из бедности не вылезал. И тут – Отечественная война 1812 года, куда ушел Феклист рекрутом вместе с другими барщинцами, своими одногодками. Храбрым солдатом оказался он, отчаянно сражался с французами, за что был отмечен многими наградами. Когда вернулся в родные края невредимым, статным, с крестами во всю грудь, односельчане в один голос: ну, чистый генерал! А помещик Кожин, отставной военный в большом чине, как глянул на Феклиста, так тут же заключил: «Истинный фельдмаршал Блюхер». С тех пор и подхватил народ – Блюхер да Блюхер.

Во времена крепостного права крестьяне в России не имели фамилий, все звались по имени или по кличке. Так и носили Феклист и его дети прозвище Блюхеры. Лишь после 1861 года с принятием манифеста о раскрепощении кличка их превратилась в родовую фамилию.

Постепенно, к середине века род Блюхеров разросся, стал одним из коренных в Барщинке. От Леонтия, последыша Феклиста, взяли начало две семейные линии по сыновьям – Павлу и Федору. Отец разделил между ними имевшуюся у него в собственности землю по пять десятин. Но у старшего сына – восемнадцать детей, в то время как у Федора четверо. Это неравенство и определило раздвоение рода: отпрыски Павла Леонтьевича стали «холодными» Блюхерами, т. е. бедными, а Федора Леонтьевича – «горячими» Блюхерами, богатыми.

Один из «Блюхеров-холодных» – сын Павла, Константин, как цыган черный, взгляд исподлобья – рано отделился от отца на свои хлеба. Был он с людьми малословный, но на дело хваткий, до хозяйства жадный. Неподалеку от речки Волготни раскорчевал он кусок леса под пашню, огородил двор жердями. Затем всей деревней построили ему пятистенный дом. Оставалось хозяйку привести в него.

Константин давно приглядывался к дочери Василия Григорьевича Медведева из соседней деревни Курганово. Зимой решил засватать ее. Анна Медведева – девка хоть куда: веселая, с певучим голосом, плясунья. И статью ладная, ростом высокая и на лицо пригожая, русая коса ниже пояса. Не по ней был приземистый, хмурый Константин Блюхер. Но что поделаешь, без любви, помимо воли отдали Анну за него замуж. Ничего, говорили, стерпится – слюбится.

Через год в семье Константина и Анны появился сын Василий. Он родился, согласно записи в книге актов регистрации населения, в деревне Барщинка Георгиевской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии 18 ноября (1 декабря по новому стилю) 1890 года. Крещен 21 ноября того же года в церкви в Георгиевском-Раменье. Родители: отец – Блюхер Константин Павлович, мать – Блюхер Анна Васильевна, крестьяне, православные. Восприемники² деревни Курганово – крестьянин Василий Медведев, деревни Барщинка – крестьянская девица Александра Павлова. Священник Алексей Лавров. Диакон Николай Володарский. Псаломщики – Дмитрий Соболев и Николай Лавров. Таинство крещения отец Алексей совершил по всем правилам, с местным причтом³.

² Восприемники – принимающие дитя при крещении в церкви от купели, крестные отец и мать.

³ Причт – штат священнослужителей (священники и дьяконы) и церковнослужителей (пономари, псаломщики, дьячки, чтецы и т. д.) при православной церкви.

Документально удостоверенный факт рождения Василия Блюхера в русской крестьянской семье на Ярославщине впоследствии частенько будет подвергаться сомнению. Появятся различные мифы в отношении его происхождения. Что он, мол, из богатой дворянской семьи. Что он еврей, получивший на Западе разностороннее образование. И, наконец, что он французский отставной генерал, принявший русскую революцию. Но самым громким мифом стала германская версия о том, что В.К. Блюхер – ротмистр австро-венгерской армии граф Фердинанд фон Гален, погибший в Первую мировую войну.

Эту версию выдвинул бывший денщик фон Галена. В 1938 году, когда в Европе в широкой печати появились публикации об аресте маршала, он, увидев на фотографии Блюхера, так и ахнул: «Граф Фердинанд фон Гален!» И пошла по Германии гулять легенда, что фон Гален не погиб в 1915 году на русском фронте. Он был взят русскими в плен, переагитирован Советами и по предложению красных комиссаров принял новые имя и фамилию. Немец, естественно, выбрал фамилию героя войн с Наполеоном прусского генерал-фельдмаршала Гебхарда Лебехта Блюхера, отличавшегося энергией и решительностью, храбростью и неутомимостью.

Российский архивист В.Н. Баталин, выступая 4 ноября 2003 года на архивных чтениях, рассказал, что некоторое время назад к нему обратился немецкий продюсер Томас Куфус. Обратился с предложением принять участие в качестве консультанта создаваемого им сенсационного фильма об истории превращения ротмистра Фердинанда фон Галена в Василия Константиновича Блюхера, героя Гражданской войны в России и одного из первых маршалов Советского Союза. Финансирование проекта взял на себя родственник Фердинанда фон Галена – Михаэль фон Гален, проживавший в Берлине и сотрудничавший с производственной киностудией «Опал».

Из разговора с Томасом Куфусом Баталин понял: все немцы, работавшие над этим проектом уже несколько лет, абсолютно уверены, что В.К. Блюхер и Фердинанд фон Гален – одно и то же лицо. На чем базировалась подобная уверенность? На трех «китах»: 1) на заявлении (более чем полувековой давности) денщика фон Галена; 2) на том факте, что в период работы в Китае В.К. Блюхер имел паспорт на имя З.В. Галина и 3) на заключении профессора, кандидата медицинских наук Рихарда П. Хелмера из Института судебной медицины Боннского университета, который провел сравнительное фотоисследование изображений ротмистра фон Галена и маршала В.К. Блюхера по заказу Михаэля фон Галена.

Баталин принял предложение Куфуса. Но, параллельно с консультированием «сенсационного» фильма по архивам, он занялся глубоким изучением немецких «трех «китов». Это была огромная поисковая и аналитическая работа. И Баталин на основе подлинных исторических материалов доказал: «киты» создателей фильма – чистейший блеф. Немцы сильно огорчились, но были вынуждены признать правоту архивных изысканий Баталина. Сенсация не состоялась, проект создания фильма о тождественности маршала В.К. Блюхера и графа фон Галена был «похоронен» – документальные факты победили искусно созданную легенду...

После Василия Анна Васильевна родила еще троих детей – дочерей Александру и Елизавету и сына Павла. Однако «не стерпелась – не слюбилась» ее жизнь с Константином. Отношения между ней и мужем сложились непростые, и настоящего бабьего счастья на своем веку Анна не испытала. Вся радость была в детях. Им она всецело отдавала свою не востребовавшую любовь и ласку.

Василий рос физически крепким, подвижным мальчишкой. И на ум острим: быстро соображал, что к чему. Характером вышел покладистым, приветливым – в мать, видать. Анна не могла нарадоваться на старшенького: бог даст, добрым да счастливым человеком Васенька будет.

В школу пошел переростком, почти двенадцати лет. В своей деревне учиться было негде. Самая близкая церковно-приходская школа – в Средневке, в полутора верстах от Барщинки. Вот туда и записали Василия осенью 1902 года.

Семья жила бедно. Барщинцы кормились в основном от земли, а она, земля ярославская, не очень-то щедро откликнулась на труд хлебопашцев. Чтобы вырастить хороший урожай, нужно немало положить сил на ниве. У Блюхеров рабочих рук было только четыре, а ртов целых пять. Поэтому, едва Василий успел проучиться в школе две зимы, отец сказал ему: «Нечего сапоги зря трепать, работать пора, а ты все за партой сидишь».

Многие жители окрестных деревень в нестрадную пору занимались заготовкой дров, древесного угля, ловлей куниц, белок, выдр, других пушных зверьков. Дрова и уголь возили на продажу в Рыбинск и Ярославль. Пушнину собирали в крупные партии и оптом отправляли в столицу. Иные крестьяне на зиму подавались на заработки в крупные города России.

У Константина Павловича Блюхера в Петербурге был знакомый купец Клочков, которому он периодически возил по сходной цене шкурки лесных зверьков. В одну из поездок в столицу (в 1904 году) Константин Павлович взял с собой четырнадцатилетнего Василия. Купцу Клочкову глянулся Блюхер-младший, и он принял его в служение «посыльным мальчиком» при мануфактурном магазине.

Константин Павлович и Анна Васильевна по-разному представляли себе судьбу старшего сына. Мать, записывая Василия в Средневскую церковно-приходскую школу, мечтала о том, чтобы Васенька после ее окончания пошел дальше в науке – выучился бы на священника или на учителя. Отец же видел в сыне будущего коммерсанта, а коль не получится, не худо, чтоб стал рабочим с крепкой профессией...

При мануфактурном магазине Клочкова Василий пробыл почти два года. Много увидел он за это время в Питере, обвыкся в городской жизни. Он был свидетелем Кровавого воскресенья 9 января 1905 года, принимал участие в революционных сходках.

Мать беспокоилась, переживала за Васеньку: бросил учебу, останется на всю жизнь неучем. А каково на чужбине без родительского глаза – а ну как собьется парень с пути праведного. День и ночь умоляла она упрямого мужа вернуть сына домой. И Константин Павлович сдался. Весной 1906 года Василий приехал в Барщинку и продолжил учебу в Средневской школе.

О том периоде через пятьдесят с лишним лет Иван Алексеевич Лавров, одноклассник Блюхера, расскажет: «С Васей Блюхером я вместе ходил в Средневскую школу. Он проучился в ней года два, а затем отец отправил его то ли в Питер, то ли в Москву. Жили они очень бедно, и, очевидно, отец хотел, чтобы он пораньше начал работать. Затем Вася снова приехал в деревню и стал снова ходить в Средневскую школу. Я жил не в Барщинке, а в Георгиевском-Раменье, и Вася заходил за мной по пути в школу. Мы вместе с ним и ватагой других ребят из Семенков и Макарова ходили в школу. По дороге, конечно, по-мальчишески резвились, играли в разные игры. Весной по половодью глушили щук... Вася пользовался у нас, у ребят, авторитетом. Он всегда принимал на себя командование, когда надо было отражать по дороге нападения пацанов из других деревень. Учился он легко. Был всесторонне развитым, сведущим. Очень хорошо умел рассказывать...»

Тот, кто вкусил быт большого города, тот потом всегда будет к нему тянуться. Василия Блюхера тяготила жизнь в Барщинке. И как только он окончил школу, так сразу же заявил родителям: «Поеду в Петербург». Отец недовольно бурчал: «Трудиться – кишка тонка. Вольного прохладения хочется...». Мать благословила сына: «Поезжай с богом. Теперь ты с образованием, может, в высоком ученье преуспеешь, с божьей помощью в большие люди выбьешься».

И вот опять Василий в Питере. На этот раз он самостоятельно поступил чернорабочим на Франко-русский завод Берда. Но проработал недолго, попал в «черные списки», как небла-

гонадежный, и вскоре его уволили. Полгода скитался без работы и в мае 1909 года уехал в Москву. Однако и здесь подходящего для себя дела не нашел. Познакомился с «лихими» ребятами, такими же, как он сам, искателями вольницы, и махнул на Волгу. Погуляв лето на реке-матушке, осенью вновь вернулся в Москву. Устроился в слесарную мастерскую на Мещанской. Не понравилось, перешел на вагоностроительный завод в Мытищах, где участвовал в революционных беспорядках, за что был арестован и посажен в тюрьму.

Было жаркое лето 1912 года, когда Василий после долгих скитаний на чужбине объявился в Барщинке. Соскучился по родным и близким, по местам детства.

...Свернув с большого тракта на тропинку, ведущую в деревню, Василий не чувствовал ног под собою. Впереди показалась Волготня, протекавшая напротив двора Блюхеров. Была она быстрая, как настоящая горная речка, но в летнюю пору сильно мельчала; многочисленные валуны на дне русла обнажались над водой и служили своеобразной переправой с одного берега на другой. Прыгая с валуна на валун, Василий не сразу признал сестру свою Шуру, довольно повзрослевшую с тех пор, как он ее в последний раз видел. А она, набиравшая воду из речки, увидела брата, побросала ведра и стремглав кинулась домой, крича матери: «Мама, мама, Вася идет! Наш Вася идет!»

Василий пробыл у родителей всего одну неделю и засобирался в дорогу. Сначала перебрался из Барщинки в Рыбинск, где устроился на работу в москательный магазин. Но вскоре его вновь потянул к себе большой город. Теперь он уехал в Москву, где поступил рабочим-погрузчиком в оптовый мануфактурный магазин. В магазине задержался недолго. Ушел сам или «ушли» его, неизвестно. Потом слесарничал в мастерских Московско-Казанской железной дороги. Одновременно учился на курсах при университете Шанявского.

Осенью 1914 года Василия призвали на военную службу...

Жизнь и мытарства Василия Блюхера с 1904 по 1914 годы, надо признать, слабо подтверждены какими-либо документами. Все вышеописанное исходит в основном из рассказов самого Блюхера. На это ссылаются почти все официальные источники – энциклопедии, словари, авторы различных печатных изданий советского периода и, конечно же, родственники Василия Константиновича. Вот некоторые выдержки из книг, воспоминаний, статей.

«В 1904 году, после окончания сельской церковно-приходской школы, – излагается в книге В.В. Душенькина «От солдата до маршала», – отец (Константин Павлович Блюхер. – Н.В.) отвез его (Василия. – Н.В.) в Петербург и отдал учеником в мануфактурный магазин купца Ключкова... Блюхер через восемь месяцев сбежал от купца и поступил чернорабочим на Франко-Русский завод, бывший Берда. Здесь, в среде петербургского пролетариата, он получил первую революционную закалку. В декабре 1908 года был уволен с завода. Полгода скитался он без работы.

В мае 1909 года В.К. Блюхер приехал в Москву, но и здесь его ждала неудача. Отчаявшись, он отправился искать счастья на Волгу... Осенью снова вернулся в Москву. Ему удалось устроиться в небольшую слесарную мастерскую на Мещанской улице, откуда вскоре перешел на вагоностроительный завод в Мытищах.

На Мытищинском заводе Блюхер включился в революционную деятельность. Потом, в советские годы, он напишет в своей автобиографии, что «в феврале 1910 года за призыв к забастовке он был арестован и приговорен Московским окружным судом к двум годам и восьми месяцам тюремного заключения...»

Выйдя из заключения, Блюхер вначале работал в Рыбинске, а в августе 1913 года переехал в Москву и поступил в мастерские Московско-Казанской железной дороги».

Примерно так же описывает 1904–1914 годы жизни Блюхера в своих воспоминаниях о муже Г.Л. Безверхова-Блюхер, опираясь, естественно, на рассказы В.К. Блюхера и различные

печатные источники, так как свидетелем тех лет она не являлась (Г.Л. Безверхова родилась в 1916 году).

Как видим, все подается без ссылок на какие-либо достоверные исторические документы. Это, безусловно, не может не вызывать некоторого недоверия к подлинности отдельных эпизодов биографии В.К. Блюхера. Тем более что сегодня открываются все новые и новые свидетельства о его жизни и деятельности.

В прошлом (в советское время) я написал немало очерков и статей о Блюхере, в издательстве «Панорама» вышел мой большеформатный альбом «Василий Константинович Блюхер. Фотографии, документы, воспоминания современников». Все публикации основывались, понятно, на тех материалах, которые были доступны тогда. Но в конце «горбачевской перестройки» мне, как журналисту, изучающему военную историю, одному из первых удалось познакомиться с рассекреченными на тот момент госархивами особых фондов: Архив ЦК КПСС, ЦАМГБ СССР⁴, ЦГВИА⁵, ЦГАСА⁶, других архивных учреждений. Они на многое заставили взглянуть совершенно с иных позиций.

Итак, десятилетний период в биографии Василия Константиновича Блюхера с 1904-го по 1914 год для меня был «белым листом» с точки зрения отражения его документальными свидетельствами. Работая в архивах, я стремился найти там хотя бы какие-нибудь материалы, в той или иной степени подтверждающие биографические данные Блюхера. Но не нашел. Белый лист остался для меня белым: все, что мы знаем нынче о том отрезке его жизни, к сожалению, знаем по-прежнему лишь с чьих-то слов.

Изучая в 1988 году в архивном отделе КГБ СССР дело Блюхера Василия Константиновича Р-23800 Особого фонда Центрального архива МГБ СССР, я обратил внимание на протокол допроса Богуцкой Лидии Фоминичны, жены Павла Константиновича Блюхера, младшего брата В.К. Блюхера. В показаниях Богуцкой меня заинтересовали любопытные факты. «...В последней брошюре о Василии Блюхере, изданной недавно, в биографии его указано, что он работал на заводах и участвовал в нелегальных кружках. Между тем, его брат Павел мне как-то сказал: «Все это враки, он (Василий Блюхер. – Н.В.) в этот период был в Москве приказчиком у купчихи Белоусовой, был ее любовником и ни на каких заводах не был и в революционной деятельности участия не принимал»... Василий сам очень неохотно говорил об этом периоде своей жизни. Он любил вспоминать о Гражданской войне и о Китае».

Насколько можно верить Богуцкой, поведавшей это на допросе 25 октября 1938 года работнику НКВД Кашееву? Может быть, чтобы угодить следователю, она просто-напросто наговаривала на Блюхера. А, возможно, опять же, чтобы ему угодить, сказала правду, которая, наверное, витала в их семейном кругу. Словом, вымысел это или правда, сейчас сказать трудно.

И еще есть один документальный факт, который в какой-то мере добавляет каплю масла в тлеющий огонек сомнений в истинности общеизвестной биографии Блюхера (в частности, на отрезке 1904–1914 годов). Во время работы в Центральном государственном военно-историческом архиве по изучению материалов об участии Блюхера в боевых действиях в Первую мировую войну меня заинтриговала такая деталь, как получение Блюхером по полевой почте денежных переводов. В Приложениях к приказам по полку, в котором служил Василий Блюхер, в списках денежных переводов значится: 17 ноября 1914 г. – «4-я рота. Зап. рядовой Василий Блюхер – 5 рублей»... 31 декабря 1914 г. – «4-я рота. Зап. рядовой Василий Блюхер – 5 рублей»... Кто бы мог присылать солдату эти немалые по тем временам деньги? Родители? Сомнительно. Они – бедняки, неоткуда им взять таких денег. Товарищи по революционной борьбе? Не верится, что из идейных соображений они стали бы ежемесячно «баловать» его

⁴ ЦАМГБ СССР – Центральный архив Министерства государственной безопасности СССР.

⁵ ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив.

⁶ ЦГАСА – Центральный государственный архив Советской армии.

пятью рублями. Вероятнее всего, деньги Василию Блюхеру приходили от кого-то из людей состоятельных. И вполне можно допустить, что это могла быть богатая купчиха, любившая симпатичного, ладно сложенного, разбитного юношу...

рядовой царской армии

О начале своей службы в царской армии Блюхер писал в анкете 4 мая 1921 года: «В августе 1914 г. взят по мобилизации на военную службу в гор. Москве. Пробыв две недели в 93-м зап. батальоне, с маршевой ротой направлен в 5-ю пех. дивизию, где в ноябре 1914 г. поступил на пополнение 19-го Костромского полка, рядовым, в 3-ю роту. Произведен в младшие унтер-офицеры – 1914 г., ноябрь. Награды: Георгиевская медаль 4 ст., Георгиевский крест 3 и 4 ст. Уволен в первобытное состояние вследствие полученных ранений – 1915 г., сентябрь. В период с 1916 г. по февраль 1917 г. работал на Сормовском судостроительном заводе, а затем на механическом заводе Остермана в гор. Казани, где и принял активное участие в февральской революции. Согласно постановления партийной ячейки поступил добровольцем в 102-й зап. пех. полк в гор. Самаре».

В Советской Военной энциклопедии об этом сказано еще короче. «На военной службе с 1914 года. Участник 1-й мир. войны, мл. унтер-офицер. Награжден 2 Георгиевскими крестами и медалью. В 1916-м из-за ранения освобожден от воен. службы. Но в мае 1917-го поступил добровольцем в 102-й запасный полк, где избран зам. пред. полкового комитета, чл. Самарского Совета солдат. депутатов, зам. пред. воен. секции Совета».

Автор книги «От солдата до маршала» Душенькин значительно расширяет тему службы будущего маршала в царской армии, но при этом опирается на выше названную анкету В.К. Блюхера. «Когда началась Первая мировая война, – читаем в книге, – Блюхера призвали в армию. Вместе с пятьюдесятью другими московскими рабочими его зачислили в запасной батальон, стоявший в Кремле. Значительная часть солдат была настроена революционно, и командир батальона через две недели отправил всех «смутьянов», в том числе и Блюхера, на фронт, в 19-й Костромской стрелковый полк.

Всего четыре месяца провоевал Василий Константинович на Юго-Западном фронте, но и за это короткое время он проявил себя отважным и мужественным солдатом. Увлеченный общим угаром «ура-патриотизма», молодой боец совершил много боевых подвигов. Не раз ходил он в разведку и приносил ценные сведения, приводил «языков». В лихой атаке 8 января 1915 года на реке Дунаец под Тернополем Блюхер был тяжело ранен. В бессознательном состоянии доставили его в армейский полевой госпиталь. Восемь больших осколков было извлечено из его тела. Сильно были повреждены обе ноги. Осмотрев храброго солдата, профессор Пивованский произвел очень сложную операцию и приложил все усилия, чтобы спасти ему жизнь.

Несколько дней Василий Константинович не приходил в сознание. Однажды Пивованский, обходя палаты, увидел, что койка Блюхера свободна. Профессор насупил брови.

– Где Блюхер? – спросил он у лечащего врача.

Врач ответил, что раненый умер и его вынесли в морг. Пивованский не поверил, сам пошел в морг и обнаружил у Блюхера едва заметные признаки жизни.

«Умершего» принесли в палату. А через день все повторилось: его опять отнесли в морг, и профессор снова вернул раненого в палату. На этот раз Пивованский распорядился не трогать больше Блюхера без его ведома. В конце концов смерть отступила. На редкость крепкий организм победил.

Больше года пробыл молодой солдат в госпитале. В марте 1916 года он был уволен врачебной комиссией Главного Московского военного госпиталя имени императора Петра I «в первобытное состояние с пенсией первого разряда».

Как инвалида первой группы, его сняли с воинского учета. Казалось, что военная служба для него окончилась навсегда.

Некоторое время Блюхер прожил в родной деревне, восстанавливая силы, а затем вновь отправился на Среднюю Волгу в поисках работы. В Нижнем Новгороде он временно устроился

на Сормовский судостроительный завод, откуда через месяц перевелся на механический завод Остермана в Казани. Василий Константинович знакомится с большевиками, завязывает с ними тесную связь...

Февральскую революцию Блюхер встретил в городе Петровском Казанской губернии, где он работал слесарем-мотористом на маслобойном заводе. В мае 1917 года Василий Константинович переехал в Самару с намерением устроиться на военный завод. Однако, когда он явился в Самарский городской комитет РСДРП(б), то получил там задание поступить добровольцем в 102-й запасной полк и развернуть революционную агитацию среди солдат.

С большим трудом, поскольку он был инвалидом первой группы, благодаря настойчивости и боевым наградам Блюхеру удалось зачислиться в полк»...

Жена В.К. Блюхера Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер в своих воспоминаниях на эту тему пишет еще более подробно и опять же по данным все той же анкеты Блюхера. В августе 1914 года Василию Константиновичу Блюхеру пришлось прервать учебу на курсах при университете Шанявского из-за призыва в армию. Его зачислили в 93-й запасный батальон (в Кремле), а через две недели направили в 19-й Костромской стрелковый полк на Юго-Западный фронт вместе с другими пятьюдесятью «смутьянами» – революционно настроенными солдатами. В ноябре он был произведен в младшие унтер-офицеры. За службу в царской армии имел награды: георгиевскую медаль IV степени и Георгиевский крест III и IV степени.

8 января 1915 года В.К. Блюхер был тяжело ранен в разведке, во время боев против австрийских войск на реке Дунаец под Тернополем восемью осколками разорвавшейся гранаты в левое бедро, левое и правое предплечья. Был разбит тазобедренный сустав, из-за чего левая нога стала короче на 1,5 см. Поэтому походка его была как бы вперевалку. Но тем, кто не знал, это было малозаметно или почти незаметно. Сначала Василий Константинович находился в госпитале Тернополя, а затем под Киевом, в Белой Церкви, где пробыл более года. Оперировал Блюхера профессор Пивованский, очень знающий и очень суровый хирург.

Операций было много, тяжелораненые их не выдерживали и нередко оказывались в морге. Блюхера дважды выносили в морг как умершего. Василий Константинович рассказывал позже, что все слышал, чувствовал: как его клали на носилки, как несли в морг, а он не мог подать признаков жизни – состояние было жуткое. При очередном обходе профессор Пивованский, не увидев больного, не поверил в смерть могучего солдата. После обхода он пошел в морг и у «умершего» нащупал пульс. Больного вернули в палату. И снова Блюхеру стало плохо, и снова его вынесли в морг, а профессор Пивованский снова вернул его в палату, сказав, что в смерть Блюхера не поверит, и приказал без его ведома больного не выносить.

Из Белой Церкви Василий Константинович был направлен в Московский военный госпиталь имени императора Петра I. Вследствие полученных ранений, в марте 1916 года Блюхер был уволен из армии врачебной комиссией главного военного госпиталя с пенсией первого разряда.

Однажды госпиталь посетил царь Николай Романов (Г.Л. Безверхова-Блюхер рассказывает об этом эпизоде со слов Василия Константиновича). Проходя между койками раненых и больных, он здоровался, отводил руку назад за спину (следом шел Бенкендорф, неся подушечку с наградными знаками), брал, что попадет, и награждал больных. Один солдат поднялся с постели, отвечая на приветствие, и тут же упал замертво. Солдаты лежали в чистых рубашках – перед приходом царя в палатах были наведены чистота и порядок.

Иван Лавров, тот самый, что учился в Средневековой школе вместе с Василием Блюхером, встретился с ним в 1916 году. Они много говорили о распутинской истории, и обоим было ясно, что война проиграна и что люди гибнут впустую. В конце пятидесятых годов Лавров прислал Г.Л. Безверховой-Блюхер письмо, где писал: «Осенью 1915 года я жил под Киевом и неожиданно получил письмо от матери Васи Блюхера. Его мать просила меня навестить его в

госпитале. Вася тяжело ранен, но каково его действительное состояние, она не знала и просила меня узнать.

Придя в госпиталь, я сразу узнал Васю. В большой палате он лежал выше всех. Вид его отличался в худшую сторону от других, желтый цвет лица, осунувшееся лицо с выражением глубокого страдания. Госпиталь этот был одним из лучших по составу врачей. В него направлялись лишь тяжелораненные, главным образом в голову. Вася был ранен осколками снаряда в левую тазобедренную кость спереди. Осколок снаряда и осколки разбитой кости залетели под легкие. Кроме того, один осколок попал в ключицу. Ему сделали две или три операции, повытаскивали осколки, но, как выяснилось, осколки еще остались. Сделана была четвертая операция, а затем и пятая, после которой дело пошло на поправку, и его вскоре отправили в Москву.

В апреле 1916 года я поехал на родину, в Барщинку, снова встретился с Василием. Он был освобожден «по чистой» от службы, поступил на работу в Москве в какой-то оптовый мануфактурный магазин, получил аванс от хозяина и отпуск на какой-то срок, чтобы набраться сил. Он хромал, рана болела, быстро уставал».

Далее Г.Л. Безверхова-Блюхер пишет, что с апреля 1916 года по февраль 1917 года Василий Блюхер работал в Казани – в гранитной мастерской, в Нижнем Новгороде – на Сормовском судостроительном заводе. Затем перевелся на механический завод в Казани, где познакомился с большевиками и получил первое партийное поручение. В июне 1916 года он вступил в ряды Российской социал-демократической рабочей партии большевиков, партбилет № 7834693⁷.

Февральскую революцию Блюхер встретил в городе Петровском Казанской губернии, где работал слесарем-мотористом на маслобойном заводе. В мае 1917 года Самарский комитет РСДРП(б) поручил ему поступить добровольцем в 102-й запасный полк и развернуть в нем революционную работу среди солдат...

Еще раз хочу заметить, что в анкетах, заполненных Блюхером, и в Советской энциклопедии, и в различных изданиях, в том числе в книге Душенькина, и в воспоминаниях Г.Л. Безверховой-Блюхер имеется ряд неточностей, расхождений с историческими документами, архивными материалами...

Так когда и где, на самом деле, началась служба в царской армии Василия Блюхера? В каком звании он воевал на русско-германском фронте? При каких обстоятельствах был ранен? Какими боевыми наградами отмечены его подвиги в Первую мировую войну?

В конце сентября 1914 года в 56-й кремлевский запасной батальон, которым командовал полковник Гондель, от Московского уездного военного начальника прибыло очередное пополнение новобранцев. В связи с этим был издан по батальону приказ № 78, где в § 10 указывалось: «прибывших 30 сентября с/г. от Моск..У.В.Н-ка ратников ополчения в числе 996 челов. зачислить в списки батальона и на провиантское, приварочное и чайное довольствие с 30-го сего сентября. Аттестаты ожидаются»⁸. В прилагаемом к приказу именном списке под 53-м порядковым номером в 3-ю роту поручика Андреева приписывался ратник Василий Блюфер. Неизвестно, случайно ли писарь допустил ошибку в фамилии молодого ратника: вместо буквы «х» написал «ф», или специально, посчитав, может быть, что Блюфер произносится более благозвучно, чем Блюхер. В дальнейшем ошибка будет исправлена.

В кремлевском 56-м запасном батальоне Василий Блюхер пробыл меньше месяца; 27 октября его отправили в составе маршевой роты на фронт. Это документально подтверждено приказом полковника Гонделя за номером 105 от 28 октября 1914 года: «Отправленных 27-го сего октября маршевыми ротами н/чинов вверенного мне батальона в числе 752 человека,

⁷ В анкете, заполненной 4 мая 1921 г. В.К. Блюхером, указывается: «Время вступления в партию – июнь 1916 г., принят на механ. з-де Остермана – Казань». Партийный билет 1916 года (№ 7834693) в архивах не обнаружен.

⁸ Все встречающиеся в последующем в этой главе выдержки из документов взяты из ЦГВИА.

поименованных в прилагаемом списке (в этом списке под № 490 – запасный рядовой Василий Блюфер. – Н.В.), исключить из списков ба-на и рот, с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 28 октября, кормового и денежного с 1-го ноября».

16 ноября 1914 года Василий прибыл на действующий фронт в район местечка Гдув, где стоял биваком 19-й пехотный Костромский полк 5-й пехотной дивизии, которая держала оборону против австро-венгерских войск. Блюхера зачислили в 4-ю роту (командир роты капитан Гузиков) 1-го батальона (командир батальона подполковник Шумаков). В приказе командующего 19-м полком полковника Никольского № 352, от 18 ноября 1914 г., § 7 отмечено: «Прибывших на укомплектование вверенного мне полка нижних чинов 56 пех. запас. батальона зачислить в списки полка 17 ноября... в 4-ю роту... (86-й по счету. – Н.В.) ряд. Блюхер Василий Константинович».

Положение на фронте в этот период характеризовалось переходом от маневренных боевых действий к позиционным. Войска 9-й армии, куда входила 5-я дивизия, успешно завершившие 8 сентября Галицийскую битву и преследовавшие противника в направлении Кракова, не имели достаточных сил для овладения этой мощной австрийской крепостью. 19-й полк и другие части дивизии глубоко вклинились в оборону австро-венгерских войск. В день, когда Блюхер был определен в 4-ю роту 1-го батальона, Костромский полк стоял во втором эшелоне боевой линии юго-восточнее Кракова. 20 ноября 1-й батальон и в его составе 4-я рота переместились от села Гдув в деревню Збышовку, а на другой день 1-й и 2-й батальоны были временно посланы в распоряжение командира 20-го пехотного Галицкого полка. Но уже через четыре часа оба батальона вернулись к месту прежнего расположения. Того же 21-го числа 4-й батальон Костромского полка был выдвинут на передний край и подвергся обстрелу тяжелой артиллерии с фортов Краковской крепости. 22 ноября в 19.00 полк получил приказ отступить к востоку, а в 21.00 1-й, 2-й и 3-й батальоны начали отход на деревню Дзискановице. К часу ночи полк занял позицию на левом берегу ручья Низова...

Эти сведения почерпнуты из журнала военных действий полка. Журнал – достаточно подробный документ, где беспристрастно изо дня в день обстоятельно фиксировалась обстановка на участке полка и наиболее важные события в жизни его батальонов и рот. Из журнала видно, что полк и все его подразделения в течение первых дней пребывания Блюхера на фронте активных боевых действий не вели и в непосредственном соприкосновении с противником не находились.

24 ноября 1-й батальон под командой подполковника Шумакова был вновь отправлен в распоряжение командира 20-го Галицкого полка, в деревню Чизычка на высоту № 364. 1-я и 2-я роты пошли на усиление левого фланга в село Соболюв, а 2-я и 4-я (в 4-й роте находился Василий Блюхер) осталась на высоте. 1-я и 3-я роты на другой день приняли участие в отражении атаки противника, напавшего на сторожевую заставу соседнего полка, причем понесли значительные потери, особенно 3-я рота, которая, расстреляв все патроны, вынуждена была драться с окружившими ее австрийцами, пробивая себе путь штыками. Рота потеряла 70 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. 2-я и 4-я роты в этом бою задействованы не были.

26 ноября 1-й батальон был отведен в резерв и расположился при штабе полка у костела в деревне Погвиздов. В это время 2-й и 3-й батальоны вели перестрелку с противником у фольварка Завада. Между ними и 20-м Галицким полком образовался нейтральный промежуток протяженностью в целую версту. Пользуясь ложиной, австрийцы решили занять этот промежуток и охватить правый фланг 3-го батальона. Однако командир 19-го полка разгадал замысел неприятеля и выдвинул в прорыв 1-й батальон. С 9 часов утра 27 ноября батальон весь день вел перестрелку с противником. Вот этот-то день и стал боевым крещением молодого солдата Блюхера.

На следующее утро, в 7.30, командир полка отдал приказ о наступлении, однако противник, упредив русских на полчаса, сам перешел к активным действиям, опять-таки стараясь захватить лошину, но эта атака была отбита. 1-я и 4-я роты получили приказ перейти в наступление. 4-й роте удалось захватить в плен одного австрийского офицера и 64 нижних чина. Среди отличившихся был и Василий Блюхер. Спустя почти семь с половиной месяцев, приказом по полку от 2 июля 1915 г. № 185 Блюхер был награжден Георгиевской медалью IV степени за номером 313935. В графе «время оказанного подвига» дата стоит – 28 ноября 1914 года.

Из документов видим, что награду – Георгиевскую медаль IV степени – Василий Блюхер действительно заслужил уже на девятый день пребывания на фронте. Что же касается Георгиевских крестов III и IV степени и звания младшего унтер-офицера, в приказах по полку, к сожалению, упоминаний об этом не обнаружено, хотя приказы скрупулезно отмечали все награждения и присвоения воинских званий. Приказы за период пребывания Блюхера в полку сохранились полностью, так же, как и за последующий период, когда он находился на излечении в госпиталях...

Исходя из пометок в журнале боевых действий полка, можно сделать вывод, что боевое столкновение с противником, состоявшееся 28 ноября 1914 года, было, по всей видимости, единственным, в котором Василий Блюхер успел побывать за время своего участия в Первой мировой войне. Вскоре полк был отведен к реке Дунаец, на заранее подготовленные позиции. В это время идет помывка в полевых банях личного состава, ремонтируется обмундирование. Приходят денежные переводы из России, в том числе два перевода по 5 рублей получил и Василий Блюхер.

Значительная часть записей в журнале боевых действий за декабрь сводится к нескольким словам: «На фронте полка без перемен». Нет сведений и о том, что от 4-й роты выслались разведчики, которые проводили поиски и захват языков, хотя сведения о захвате пленных и перебежчиках на участках других рот имеются. Изредка окопы обеих сторон подвергались артобстрелам. Таким образом, и в декабре, и в начале января 1915 г. у Блюхера просто не было возможности отличиться.

Теперь об обстоятельствах ранения Василия Блюхера. Утверждается в различных печатных изданиях, что ранен он был «в лихой атаке» (в частности, в книге Душенькина «От солдата до маршала»), когда резал проволочные заграждения и выносил из-под пулеметного огня раненого товарища. Блюхер действительно получил тяжелое ранение 8 января 1915 года. В приложении к приказу по полку от 7 февраля 1915 г. № 38, § 5 в списке нижних чинов 19-го пехотного Костромского полка убитых, пропавших без вести, взятых в плен неприятелем, раненых и контуженых с 1 по 31 января включительно находим: «13. Запасный рядовой Василий Константинов Блюхер 8 января исключен из списков полка и довольствия».

Однако, вот что дословно записано в журнале боевых действий: «8 января. Положение на фронте без перемен. Фронт подвергается обстрелу тяжелых орудий. Замечено усиление стрельбы со стороны противника разрывными пулями. Сильнее обстреливается 2-й батальон, где граната попала в окоп – 1 (одного. – Н.В.) убила и несколько человек ранила... В 1-м батальоне 5 человек ранены...».

А вот донесение-телефонограмма командира 1-го батальона подполковника Шумакова командиру полка от 8 января 1915 г.: «В 6 1/2 часов утра по всему фронту первого батальона неприятель открыл сильный ружейный огонь, одновременно его артиллерия стала засыпать снарядами всю площадь расположения батальона. Было 5 человек раненых, телефонные провода перебиты во многих местах и во многих местах окопы разрушены, противник пытался перейти в наступление».

Из приведенных сведений видно, что никакой лихой атаки проволочных заграждений не было. Василий Блюхер получил ранение, по всей вероятности, находясь в окопе, от попадания в него артиллерийского снаряда или мины...

И, под конец, еще раз о присвоении Блюхеру звания младшего унтер-офицера и награждении его, кроме Георгиевской медали IV степени, Георгиевскими крестами III и IV степени. Как уже говорилось выше, на этот счет в архивах 19-го пехотного Костромского полка нет никаких материалов. Зато есть фотография солдата Блюхера; она публиковалась во многих книгах, брошюрах, журналах, газетах. На фотографии Блюхер – рядовой: на погонах не видно двух лычек, положенных младшему унтер-офицеру, на груди одна Георгиевская медаль и на поясной портупее – сабля. Фотоснимок сделан, скорее всего, в июле 1915 года (ведь Василий Блюхер награжден медалью, согласно приказу № 185, 2 июля 1915 г.). Эта фотография – еще одно неоспоримое подтверждение того, что Блюхер Георгиевскими крестами III и IV степени не награждался и звания «младший унтер-офицер» не имел.

И все-таки по поводу звания есть одна зацепка. Может быть, Блюхер стал младшим унтер-офицером тогда, когда служил в 102-м запасном пехотном полку, куда поступил добровольцем весной 1917 года. Однако зацепка «не срабатывает». В архиве имеется подлинное удостоверение, выданное военной секцией Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 августа 1917 г., где говорится: «Предъявитель сего член Совета солдатских депутатов рядовой 102-го полка Василий Блюхер командирован... для доклада об охране железнодорожных сооружений, в том числе и Александровского моста»... Входящий номер на удостоверении датирован 6 сентября 1917 г. За оставшиеся до революции два месяца солдату-большевику, находящемуся в тылу и активно занимающемуся политической деятельностью, вряд ли стали бы присваивать унтер-офицерское звание...

Начало командирской карьеры

Комиссар Блюхер против атамана Дутова

Василий Блюхер с его незаурядной натурой – ярко выраженными качествами лидера, прагматичным умом, нереализованными к двадцати шести годам высокими амбициями – сумел быстро вписаться в бурные Октябрьские события. Такие, как он, нужны революции, в свою очередь, революция нужна им.

Военно-революционная карьера Блюхера складывалась удивительно, и, в то же время, она была типична для многих красных командиров тогдашнего периода борьбы за советскую власть.

Известный советский литератор Константин Паустовский в своем очерке «Маршал Блюхер», вышедшем в свет в мае 1938 года, за четыре месяца до ареста В.К. Блюхера, писал, что стремительный рост Блюхера начался с октября 1917 года. Все предыдущие годы с их упорной, но небольшой по размаху революционной работой, годы войны и медленного трудового воспитания, сразу же отодвинулись в прошлое. Они кажутся только необходимой подготовкой, коротким предисловием к новой жизненной эпохе, отмеченной великими делами, победами и славой.

О начале этой новой для Василия Блюхера «жизненной эпохи, отмеченной великими делами, победами и славой», Василий Константинович, став уже Маршалом Советского Союза, говорил в 35-м году на встрече с писателями: «Февральская революция застала меня в городе Петровском, где я работал слесарем-мотористом на маслобойном заводе. Окрыленный революционными событиями, я поехал в Самару с намерением устроиться на работу по своей специальности на Иващенском трубочном заводе. Но по прибытии в Самару горком РСДРП(б) направил меня на революционную работу в армию. С большим трудом и только благодаря наличию Георгиевских крестов (напомним читателям, о награждении В.К. Блюхера Георгиевскими крестами нет документальных подтверждений. – Н.В.) и медалей мне удалось попасть добровольцем в 102-й запасный полк. В этом полку в июне 1917 г. я был избран членом, а в августе – председателем полкового комитета и заместителем председателя военной секции Самарского городского Совета».

В ноябре 17-го Блюхера избирают от гарнизона города членом Самарского военно-революционного комитета. Затем, с установлением в Самаре власти Советов, он становится помощником комиссара Самарского гарнизона и начальником губернской охраны революционного порядка.

Однажды в конце ноября Василия Блюхера пригласил к себе председатель Самарского военно-революционного комитета В.В. Куйбышев. Куйбышев уделял большое внимание организации революционных вооруженных сил, поэтому Василий, являвшийся помощником комиссара гарнизона и начальником губернской охраны, нисколько не удивился этому приглашению. Однако то, о чем заговорил с ним Куйбышев, оказалось для него совершенно неожиданным:

– Товарищ Блюхер! Ревком решил послать вас в качестве комиссара вооруженного отряда для освобождения Челябинска. Мы только что получили задание из ЦК от товарища Ленина и остановили свой выбор на вас. Поручение чрезвычайно ответственное, поэтому я хотел поговорить о нем с вами лично. Дутов, захватив Оренбург, отрезал Среднюю Азию от центра, сейчас дутовские отряды окружили Челябинск и, тем самым, создают угрозу движению продовольственных поездов на запад, к Москве и Петрограду. Центральный Комитет при-

нимает меры к ликвидации челябинской пробки. Посылаются отряды из Петрограда и Урала. Нам поручено выделить не менее 500 человек с артиллерией из революционных полков и вновь созданных рабочих отрядов. Вы в качестве комиссара отряда должны обеспечить эту чрезвычайно важную операцию...

Для Оренбургского казачьего войска, третьего по численности среди казачьих войск России (около 600 тысяч человек), как и для всей страны, 1917-й год стал годом непредвиденных драматических изменений. После Февральской революции в Оренбургской губернии вводится демократическое самоуправление. В середине апреля Войсковой круг избирает атаманом Оренбургского войска генерал-майора Н.П. Мальцева, а через пять месяцев, на втором съезде оренбургского казачества, – полковника А.И. Дутова.

Командир первого Оренбургского казачьего полка Александр Ильич Дутов в марте 1917-го прибыл с фронта в Петроград на первый общеказачий съезд. Никому не известный окопник вначале становится заместителем председателя временного совета Союза казачьих войск, затем его председателем. На государственном совещании в августе в Москве он избирается заместителем председателя казачьей фракции. Глава Временного правительства России А.Ф. Керенский присваивает Дутову звание полковника и назначает главноуполномоченным Временного правительства по продовольственному делу в Оренбургской губернии и Тургайской области с правами министра.

Сразу же, по свершению в Петрограде большевистского переворота, атаман Дутов поставил большевиков вне закона. 27 ноября 1917 года Оренбургский совет рабочих, солдатских депутатов и представители воинских частей гарнизона создали военно-революционный комитет (ВРК). Однако в течение суток атаман, опираясь на две школы прапорщиков и юнкерское казачье училище, упразднил Совет, арестовав всех его членов, и ликвидировал ВРК.

Одновременно на всей территории бывшего Оренбургского войска началась энергичная вербовка казаков. Развернулось формирование добровольческих отрядов, в состав которых принимались, главным образом, офицеры, зажиточные крестьяне и учащаяся молодежь... Для обороны от местных большевиков в станичных районах создавались дружины. Под руководством Дутова в Оренбурге был образован комитет спасения революции, куда вошли представители различных сословий, народностей, организованных общественных группировок и политических партий.

Оренбургские газеты сообщали: «Полное спокойствие в городе, никаких эксцессов, жизнь идет нормально, все учреждения работают, магазины торгуют, увеселения существуют и мирная покойная жизнь протекает...».

Оренбург бросил вызов Петрограду и Москве. «Мы видим в сумраке очертания царизма Вильгельма и его сторонников, – говорил Дутов на открытии очередного войскового круга Оренбургского казачьего войска. – И ясно, определенно стоит перед нами провокаторская фигура Владимира Ленина. Россия умирает. Мы присутствуем при последнем ее вдохе».

Сводный отряд самарских и уфимских красногвардейцев, которым руководили двое: командир – В.К. Садлуцкий и комиссар – В.К. Блюхер, выступил из Самары в конце ноября и 3 декабря 1917 года прибыл в Челябинск. Совместная служба Садлуцкого и Блюхера началась лишь несколько дней назад. Но они быстро нашли общий язык. Ни по политическим, ни по военным вопросам разногласий у них не было.

Челябинск встретил красногвардейский сводный отряд тишиной и густым снегопадом.

Добровольческие отряды и дружины атамана Дутова чувствовали себя уверенно и несли службу беспечно. Они располагались вокруг города, на его окраинах, и не ожидали движения эшелонов красных. С помощью железнодорожников красногвардейский отряд беспрепятственно прошел все кордоны казаков под видом демобилизованных с фронта солдат.

На вокзале Садлуцкого и Блюхера встречали руководители челябинских большевиков Е.Л. Васенко и С.Я.Елькин. Они сообщили, что деятельность Совета в городе нарушена. Белоказаки предъявили ультиматум: разоружить Красную гвардию, распустить Совет, передать всю власть городской Думе. Пришлось подчиниться.

С прибытием в город Сводного отряда красногвардейцев состоялось открытие объединенного собрания Совета рабочих и солдатских депутатов, полковых и ротных комитетов, фабрично-заводских комитетов, городского бюро профессиональных союзов. Собрание приняло постановление: власть в Челябинске и его окрестностях переходит в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Для осуществления этой власти был избран Военно-революционный комитет. Председателем его стал прибывший из Самары А.П. Галактионов, заместителем – Васенко. В состав комитета вошел и Блюхер.

При активном участии рабочих и солдат гарнизона в городе восстанавливается Советская власть и наводится твердый революционный порядок.

Вскоре для борьбы с атаманом Дутовым в Челябинск прибыли красногвардейские отряды из Екатеринбурга, Златоуста и с ряда заводов Урала. В декабре из Петрограда по личному указанию Ленина прибыли части Северного экспедиционного летучего отряда под общим командованием мичмана С.Д. Панина. В состав этого отряда входил 17-й Сибирский пехотный полк⁹ и отряды революционных моряков-балтийцев с линкоров «Петропавловск», «Андрей Первозванный» и «Гангут».

В общей сложности в Челябинске к концу декабря сосредоточилось войск около 4 тысяч человек.

Сводный отряд через неделю был отозван в Самару; с ним отбыл и Галактионов. А Блюхер остался в Челябинске. На него было возложено руководство Военно-революционным комитетом, и одновременно он возглавил штаб всех революционных отрядов, собравшихся в городе. Командующим отрядами сначала был избран Садлуцкий, но со своими обязанностями он, к сожалению, не справлялся, и ВРК отстранил его от должности.

Обстановка на Урале к этому времени характеризовалась как крайне сложная. В связи с этим был создан единый политический и военный центр по борьбе с «дутовщиной». Политическое руководство осуществляли чрезвычайный комиссар Средней Азии П.А. Кобозев и председатель Оренбургского ревкома С.М. Цвиллинг, военное – Блюхер.

Блюхеру пришлось приложить немалые усилия для освобождения Оренбургской губернии из-под власти Дутова. Во-первых, необходимо было отбросить казачьи отряды от Самаро-Златоустовской железной дороги и обеспечить бесперебойную доставку продовольствия на запад. Во-вторых, нужно было как можно быстрее ликвидировать сформировавшиеся дутовские части в районе Троицка – Челябинска.

На помощь Блюхеру для решения этих задач по распоряжению центральных организаций из Троицка был срочно отряжен Северный летучий отряд. Остальные подразделения оставались в Челябинске для боевого обучения и как резерв, в случае потребности оказания необходимой помощи экспедиционному отряду.

Обе эти задачи, несмотря на трудности, к началу января Блюхером были выполнены. Это позволило сконцентрировать боевые силы в районе Оренбурга. Весьма ощутимую роль в наведении после взятия города железного революционного порядка в нем в интересах трудового народа сыграл спешно вызванный из Екатеринбурга отряд моряков-балтийцев, который являлся наиболее боевой единицей Северного экспедиционного отряда.

⁹ 17-й Сибирский полк был сформирован задолго до революции из забайкальцев. В конце 1916 года, участвуя в германской войне, он проявил неповиновение высшему командованию – отказался идти в наступление, за что был разоружен и отведен в тыл. 24 младших командира были расстреляны, расправа нависла над солдатами. Февральская революция спасла полк от уничтожения, после Октября 17-й Сибирский встал под знамя Советов. Командиром полка был избран Суворов Я.М.

Сегодня, в свете последних исторических исследований, мы можем с определенной достоверностью рассказать о Северном экспедиционном летучем отряде и, особенно, его «наиболее боевой единице» – отряде моряков-балтийцев¹⁰, ставшем для Блюхера важной опорой в борьбе за утверждение советской власти в Оренбуржье.

Действительно, в конце 1917 года по указанию Ленина из Петрограда на восток по железной дороге были направлены части Северного экспедиционного отряда под командованием мичмана Панина, сформированные из моряков-балтийцев и солдат 17-го Сибирского полка. Среди этих частей был и 1-й Северный летучий морской карательный отряд, который возглавляли: командир – помощник секретаря технического отдела Петроградского Военно-революционного комитета (ВРК) Запкус, именовавший себя «комиссаром Северного района Европейской России и Западной Сибири», и комиссары – Журба и Кириллов.

В докладе Вятского губернского Военно-революционного комитета (ВРК) и исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов от 6 декабря 1917 года указывалось: «Сегодня в 10 часов вечера прибыл на станцию Вятка Северный летучий отряд т. Запкуса, который поможет нам навести здесь порядок».

О методах «наведения порядка» летучим Северным морским отрядом повествует протокол общего собрания Вятского губисполкома: «... Утром без суда и следствия представителями летучего отряда были расстреляны вятские граждане – неизвестные лица. Комиссар летучего отряда Кириллов заявил, что расстрелянные были воры и расстрел был произведен по просьбе тысячной толпы. На вопрос: доказано ли, что расстрелянные лица действительно были воры, Кириллов считает достаточным сознание расстрелянных под ударами плетки».

Вскоре Запкус со значительной частью летучего отряда отбыл на Урал, в Екатеринбург, его заместителем в Вятской губернии остался Журба. Разогнав местные Советы, он производил тотальные обыски, аресты и расстрелы. Конфискации, контрибуции и реквизиции в губернии достигли в правление матроса Журбы невиданных размеров.

Из Екатеринбурга отряд Запкуса отправился под Оренбург, в котором находились дутовцы. Когда Оренбург был взят, по приказу Запкуса моряки и красногвардейцы согнали в центральную гостиницу города хорошо одетую публику и предложили... откупиться. Присутствовавший при этом председатель Оренбургского губернского военно-революционного комитета Цвиллинг шутливо бросил: «Смотри-ка, какой улов-то у нас! Откупаются. Хотя и неохотно. Ну да некуда им деваться, придется потрясти мощной!.. Вот с этого миллиончик возьмем», – показал он глазами на торговца Деева. Состоятельные горожане ждали, когда из дома принесут деньги, вносили их тут же кассиру, получали расписку, а с нею и свободу».

Во второй половине февраля летучий отряд Запкуса был уже в Тюмени. И, как и в Оренбурге, «комиссар Северного района Европейской России и Западной Сибири» железной рукой утверждал здесь твердый, но «справедливый» советский режим.

Начальник Тюменской уголовной милиции Н.Н. Кислицкий успел составить рапорт «Об обстоятельствах захвата власти в Тюмени большевиками 27 февраля нового стиля в 10 часов утра». «Самого Кислицкого, – дописали в рапорте его подчиненные, – сразу же увели на станцию Тюмень в карательный отряд известного палача Запкуса». Приказом № 1 Запкус объявил о введении с 4 часов дня 28 февраля 1918 года военного положения в Тюмени. Пункт десятый приказа гласил: «Все лица, замешанные в подстрекательстве к погромам, в агитации против существующей рабоче-крестьянской власти, будут без дальнейших разговоров и рассуждений в два счета на глазах всех уничтожаться». Приказом № 4 Запкус наложил контрибуцию в размере двух миллионов рублей на капиталистов Тюмени. Причем 1 миллион должен быть внесен 4 марта и 1 миллион – 6 марта. В приказе отмечалось: «Половина контрибуции пойдет на

¹⁰ Об истории Северного экспедиционного отряда рассказал в журнале «Родина» за 2003 год заместитель начальника управления ФСБ по Тюменской области А.А. Петрушин.

содержание отряда, а другая половина – в распоряжение Совета рабочих и солдатских депутатов Тюмени».

Очевидец событий Г.А. Дружинин вспоминал: «Возвращаясь из депо, я увидел на станции около водонапорной башни группу людей. Тут же на запасном пути стоял поезд, состоящий из пассажирских вагонов: это был штаб матросов во главе с Запкусом (видимо, латыш или еврей). Этот отряд занимался сбором контрибуции с купцов Плотникова, Гусевой, Колокольниково и других. При проведении обысков адъютант Запкуса Андреев из квартиры Колокольниково присвоил золотые часы. Запкус узнал об этом от матросов. Вот этот Андреев и стоял у башни, а Запкус докладывал матросам и собравшимся зевакам, вроде меня, о случившемся. Тут же самолично у нас на глазах он расстрелял своего адъютанта. Тогда я сразу поверил в справедливость и вечность этой новой власти».

Финансовая комиссия Тюменского совета рабочих и солдатских депутатов наложила на тюменскую буржуазию еще одну контрибуцию в размере 600 000 рублей, при этом половину взыскала наличными, а другую половину перечислила на текущий счет совдепа. Может, это совпадение, но в протоколе Вятского исполкома от 29 марта 1918 года записано: «Слушали: заявление Летучего отряда о выдаче вознаграждения в сумме 600 000 рублей. Постановили: удовлетворить просьбу Летучего отряда».

Выходит, все эти «летучие», «северные» и «морские» вооруженные отряды устанавливали в Сибири на местах большевистский режим за деньги по определенной таксе. Фактически они были полностью бесконтрольны, и единственным обоснованием их деятельности была «ненависть к буржуям».

Что касается Запкуса, то его дальнейшая судьба неизвестна. Документы 1-го Северного морского карательного отряда на хранение в Российский государственный военный архив (РГВА) не поступали. Где и как пропала огромная по тем временам тюменская золотая добыча Запкуса – также неизвестно.

В январе 1918 года части Красной Армии серьезно потеснили Дутова. В своих воспоминаниях помощник войскового атамана И.Г. Акулинин писал: «В силу... неблагоприятных обстоятельств натиск большевиков сдержать не удалось, и 31-го января 1918 года Оренбург был сдан».

Атаман и войсковое правительство перебирались в Верхнеуральск – центр 2-го округа области Войска Оренбургского. Многие офицеры в одиночку и небольшими группами укрывались в станицах, хуторах и киргизских аулах. Дутов нервничал. Он трижды пытался снять с себя полномочия войскового атамана, и трижды круг не принял его отставку. Финансовое положение эвакуированного правительства было тяжелым: «С переездом в Верхнеуральск войсковое правительство, – вспоминал Акулинин, – не имело в своем распоряжении никаких денежных средств – ни для своего существования, ни на ведение борьбы с большевиками. Необходимо было изыскать средства... Попытка атамана побудить местных купцов прийти на помощь войсковому правительству успеха не имела: верхнеуральские купцы, как и оренбургские, крепко держались за свои кошельки, совершенно не отдавая себе отчета в том, что с приходом большевиков они потеряют все!»

В первые дни после вхождения в Оренбург Красной гвардии несколько десятков станиц заявили о признании советской власти. Но рассылка по ближайшим станицам продотрядов привела к возникновению партизанских отрядов «самозащиты». 3 марта Оренбургский военно-революционный комитет (ВРК) пригрозил, что если «какая-нибудь станица окажет содействие контрреволюционным партизанским отрядам приютом, укрывательством, продовольствием и пр., то станица такая будет уничтожаться беспощадно артиллерийским огнем».

Однако антибольшевистское казачество было настроено решительно. Вокруг атамана сплачивались верные ему боевые силы. К началу весны дутовцы окружили Троицк и создали

угрозу Самаро-Златоустовской железной дороге. Одновременно в опасном положении находился и Оренбург.

Оренбургский военно-революционный комитет требовал от умеренных казаков выбора, стремясь силой заставить их присоединиться к борьбе против Дутова. «Знайте, кто не с нами, тот против нас. Нам нужно окончательно договориться: или идите вместе с нами, или берите винтовки и сражайтесь против нас», – заявил председатель ВРК Цвиллинг на 1-м губернском съезде Советов 12 марта 1918 года.

Уральский областной военный комиссариат принимает решение направить несколько вооруженных отрядов для освобождения Троицка и всей Оренбургской губернии. Командование этими отрядами возлагалось на Блюхера.

Блюхер начал теснить белоказачков. В марте 1918 года был взят Верхнеуральск. После этого правительство атамана Дутова расположилось в станице Краснинской, где в апреле оно попало в окружение. Единственным выходом из сложившейся ситуации мог быть прорыв окружения и отступление на юг. Атаман так и сделал. Собрал в единый кулак свои оренбургские отряды, он рассек в слабом месте кольцо красных и ушел в Тургайские степи.

Блюхеру удалось изгнать Дутова с территории губернии, но ликвидировать его живую силу полностью он не сумел. Белоказачки организованно отошли в южном направлении. Весенняя распутица не позволила преследовать их, и они, разбившись на небольшие группы, сосредоточились в Тургайской области. В мае, когда установилась хорошая погода, Дутов вновь стянул свои разрозненные отряды под Оренбург и блокировал его.

«Областной военный комиссар, – вспоминал позже В.К. Блюхер, – приказал мне во главе нескольких красногвардейских отрядов срочно выступить на помощь Оренбургу, который дутовцы окружили и этим прервали связь с Туркестаном. Для борьбы с дутовцами в районе Оренбурга в состав моего отряда вошли: красногвардейский отряд под командованием С.Я. Елькина, Екатеринбургский эскадрон кавалерии, Челябинская батарея, сформированная из железнодорожников Челябинского узла, и вновь сформированный в Екатеринбурге 1-й Уральский пехотный полк, состоящий из рабочих-добровольцев и привлеченных на службу кадровых офицеров старой армии. Одновременно мне было приказано объединить под своим командованием все отряды, действующие в районе Оренбурга».

В Оренбург головной отряд Блюхера двигался по железной дороге через Самару. На станции Кинель к нему присоединились другие отряды, двигавшиеся по заданию центральных организаций также в Оренбург. В чрезвычайно тяжелых условиях почти эшелонной войны отряды продвигались от Бузулука к Оренбургу, так как железная дорога находилась в руках белоказачков.

23 мая подошли к осажденному Оренбургу и установили связь с его гарнизоном. Предстояла большая работа по окончательной ликвидации белоказачков в районе Оренбурга. Методы борьбы, которые выдвигались некоторыми командирами, Блюхером не разделялись. Он был сторонником организации в оренбургских казачьих станицах отрядов из революционных фронтовиков. А противники линии Блюхера смотрели на казаков как на единую контрреволюционную массу, совершенно не дифференцируя ее. Для разгрома контрреволюционных казаков они предлагали провести ряд карательных экспедиций. План Блюхера, основанный на опыте освобождения от дутовского влияния Троицкого и Верхнеуральского уездов, был отвергнут. В результате нескольких предпринятых таких экспедиций ничего не дали, так как белогвардейские конные части обычно уходили из-под удара. Работа среди населения не проводилась, не организовывалась беднота, не вербовались на сторону советской власти революционные фронтовики. Поэтому как только экспедиция, не встретив белых частей, возвращалась обратно в Оренбург, в тех станицах, где они побывали, тотчас же появлялись белые казаки и продолжали свою контрреволюционную работу...

С 26 мая Блюхеру стали поступать сведения, что в Челябинске произошел мятеж пленных австро-венгерской армии (Чехословацкий корпус), временно располагавшихся в городе¹¹. Челябинск захвачен мятежниками. Точных данных о целях и задачах взбунтовавшихся белочехов не имелось. Было известно лишь, что одним из организаторов мятежа является некий Радола Гайда.

По свидетельству белогвардейского полковника Гришина-Алмазова А.Н., члена штаба контрреволюции в Новониколаевске, мятеж готовился давно. Гришин-Алмазов в начале мая связался с чешским командованием, обговорил некоторые детали; взаимопонимание было полное. Командиры чешских полков (капитаны Гайда и Кадлец) вошли в переговоры с некоторыми представителями Новониколаевского военного штаба. По достигнутому соглашению между белогвардейским штабом и чехословацкой группой во главе с Гайдой был отдан приказ о выступлении в Омске, Томске, Барнауле, Семипалатинске, Новониколаевске, Челябинске. «Я решил с Гайдой, – писал в докладе штабу Гришин-Алмазов, – произвести первый взрыв, чтобы показать большевикам нашу силу. Два эшелона во главе с капитаном Клецандой и капитаном Гайдой в ночь на 26 мая (1918 г.) свергли большевиков... Кое-кого отправили на тот свет...»

Что послужило непосредственным поводом к «взрыву» чехословаков? 14 мая чешский караул убил в Челябинске военнопленного австрийца. Челябинский Совет рабочих и солдатских депутатов потребовал от караула выдать убийцу, на что последовал отказ. Тогда Совдеп арестовал весь караул. Чехов возмутило это. Капитан Гайда стал призывать солдат проучить красных. 17 мая группа чехословаков разоружила охрану железнодорожной станции. Одновременно чешские солдаты оцепили советские учреждения города, на улицах появились вооруженные патрули, допускавшие по отношению к населению наглые бесчинства. Командование корпуса в грубой форме выставило Совдепу ультиматум – немедленно освободить караул. Челябинский Совет тут же собрал военный совет, объявил город на военном положении и потребовал от чешского командования убрать свои патрули, вернуть захваченное на железнодорожной станции оружие. Занятая Совдепом твердая позиция возымела действие. Чешское командование заявило: «Мы были и будем друзьями Советской власти и не пойдем против нее». Поверив в искренность заявления, Совет отменил военное положение. Но в ночь с 26 на 27 мая чехи, перейдя вброд реку Миасс, окружили казармы челябинского гарнизона, застав спящих красноармейцев врасплох.

Это было началом войны белочехов против Советской России. Чешский штаб в своих оперсводках начал регулярно сообщать о боевых действиях с красными. Например: «При штурме казарм челябинского гарнизона (27.05.1918 г.) пленено сотни красноармейцев, взято свыше 6 тысяч винтовок, 5 пулеметов, 20 орудий...». «...В кровопролитных боях с красными от Пензы до Самары мы потеряли 80 человек убитыми и 400 ранеными. Потери советских войск в десять раз больше. Одними пленными зарегистрировано около 2000 красноармейцев. Пензу наши части брали под ураганным огнем красных пулеметов (работало около 400 пулеметов) и артиллерии. Бой продолжался 20 часов и закончился победой наших войск 29 мая».

В штабе Блюхера к этим событиям отнеслись спокойно, наивно полагая, что чехословацкий мятеж всего лишь небольшой местный эпизод, который скоро будет ликвидирован.

В начале июня к Оренбургу стали подходить части Верхнеуральского и Белорецкого отрядов, которые двигались из Верхнеуральска через Магнитную, и Уфимские отряды, наступающие по тракту Уфа – Оренбург. Движение этих отрядов было чрезвычайно важно, так как они проходили по территории, наиболее охваченной белоказачьими выступлениями.

¹¹ В конце 1917 года в России был сформирован из бывших военнопленных австро-венгерской армии Чехословацкий корпус (около 50 тысяч человек). Корпус готовили к отправке в Западную Европу через Дальний Восток. Погруженный в железнодорожные эшелоны, он растянулся от Пензы до Владивостока. Но в мае корпус взбунтовался. Совместно с белогвардейскими отрядами он захватил ряд городов Урала и Сибири, в том числе Челябинск, Пензу, Томск, Уфу, Симбирск.

Оренбургский гарнизон, не получая указаний от Самарского штаба, в течение месяца бездействовал. Как потом оказалось, во главе Самарского штаба находился предатель Яковлев...

«В середине июня, – вспоминал Блюхер, – мы еще поддерживали телеграфную связь с Троицком и Верхнеуральском, откуда поступали сведения, что белочехи развивают активные действия на Оренбург по железной дороге от Кинеля. Но вскоре связь с центром была окончательно потеряна.

Командование войсками, сосредоточенными в районе Оренбурга, после моих разногласий с большинством главкомов других отрядов перешло к Г.В. Зиновьеву. Для предотвращения движения белочехов на Оренбург 23 июня товарищ Зиновьев приказал мне начать наступление вдоль железной дороги Оренбург – Бузулук. При выполнении этой задачи мы встретились с большими трудностями. Наше влияние распространилось только на полосу железной дороги, т. е. где продвигались эшелоны, а в тылу действовали белоказаки, которые разрушали пути и прерывали связь с Оренбургом. Казачье население, воодушевленное победами белочехов под Самарой и вдохновляемое контрреволюционными агитаторами, стало активно помогать дутовцам. Вести в таких условиях борьбу с белочехами, когда тыл стал ненадежным, было невозможно, поэтому я принял решение отвести отряды в Оренбург».

В Оренбурге к этому времени собралось около 20 различных по численности отдельных отрядов.

В то время «расплодилось» большое количество главкомов. Каждая область, каждый район назначали себе главкома.

Блюхер рассказывал, как Кобозев, будучи чрезвычайным комиссаром Средней Азии и членом Реввоенсовета Восточного фронта, настойчиво требовал от него оборонять Оренбург и Туркестан. Но можно ли осуществить успешную оборону с дезорганизованными отдельными отрядами, с таким огромным количеством главкомов? Это была армия совершенно не сколоченная. Кого там только не было: и казаки, и рабочие, и крестьяне, и даже моряки...

В создавшейся обстановке Блюхер потребовал созвать совещание комсостава, на котором обсудить план действий. На совещании большинство командиров отрядов высказалось за то, чтобы оставить Оренбург и отойти в Туркестан.

Блюхер наотрез отказался двигаться в Туркестан, считая это «линией наименьшего сопротивления». Он заявил, что пойдет с Южноуральским, Челябинским и 1-м Уральским полками на север, с тем чтобы пробраться к основным индустриальным центрам уральского пролетариата. Кобозев высказал несогласие с таким решением. Блюхера поддержал Н.Д. Каширин, командир пятисотсабельного Верхнеуральского отряда, недавно прибывшего под Оренбург.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.